

Руслан СЕМЯШКИН

Халижан Бекхожин: «НА ПЕРЕКРЕСТЬЯХ ВЕКА»

(К 110-летию со дня рождения)

Поэзия большого казахского художника Халижана Бекхожина отличалась как лиричностью, так и эпичностью, убедительно говорившей о том, что его живо волновали не только картины из прошлого – дав-

него, практически былинного, и относительно недавнего, вершившегося в том числе и теми, с кем поэту посчастливилось быть знакомым, – но и сам процесс постижения народом своей истории, понимание им ее основных вех и событий.

Для национального поэта, вышедшего из самых глубин народной жизни, обращение к конкретным историческим персонажам и событиям, собственно, тем ценно и значимо, что позволяет соприкоснуться с характерами сильными, волевыми, целеустремленными, способными вершить грандиозные дела и людские судьбы. Проникновение в их внутренний мир, конечно, сопряжено и с определенными трудностями, необходимостью погружаться в исторические источники, анализировать факты, пытаться подвергнуть их анализу и осмыслению. К счастью, все эти ступени на пути к созданию эпических полотен, выпукло живописавших героев, будто бы из далекой старины в одночасье направлявшихся к читателю, Халижану Бекхожину, чей десятилетний юбилей со дня рождения пришелся на 15 декабря 2023 года, удавалось преодолевать уверенно, поступательно, при полной поэтической амуниции, приобретенной им в достаточно молодые годы.

Посему вполне справедливым представляется суждение известного казахстанского литературного критика Павла Косенко, однажды отметившего: «Основную особенность всей поэзии Х. Бекхожина я определил бы – несмотря на непривычность такого словосочетания – как достоверную легендарность. Почти всегда в основе его произведений – и лирических и эпических (а он преимущественно эпик) – лежит конкретный факт, сегодняшний или исторический, речь обычно идет о реальном герое. Но “по ходу действия” факт и герой, оставаясь реальными, обретают столь широкое философски обобщенное значение, что в них отчетливо проступают легендарные черты».

Думается, предложенное критиком словосочетание интересно даже не столько оригинальной и неожиданной постановкой вопроса о соединении таких в общем несхожих между собой понятий, как достоверность и легендарность, сколько философским обобщением самого факта стягивания воедино явлений, предполагающих опору на истинность и в то же время не отрицающих влияния на них вымыслов, преданий, мифов. Впрочем, для Бекхожина, похоже, важна была не достоверность самой легенды как знакового события, имевшего свои строго определенные хронологические и территориальные рамки, а та его внутренняя сторона, которая могла продемонстрировать

истинное существо этого события. А коли так, то казахскому самобытному творцу, ставившему перед собою цель показать основные черты конкретного явления, составлявшего в итоге целую эпоху, не обойтись было уже и без сугубо художественных приемов. И тут, разумеется, на первый план им и выдвигались портретные характеристики героев, когда-то действительно живших на земле и вымышленных, становившихся в своей основе лишь образами собирательными. Но, что принципиально важно, Бекхожин, стремившийся возвеличить прошлое казахского народа, в своих эпических произведениях неизменно тяготел к темам значительным, рождавшим конфликты резкие и общественно значимые, на фоне которых был необходим показ героев сильных, наделенных лучшими человеческими качествами и стремящихся идти по жизни достойно, с высоко поднятой головой.

Таким знаковым героем, бесспорно, являлся и Сакен Сейфуллин, представший перед читателями в поэме «Сказание о соколе» – грустным и тревожном раздумье о трагической судьбе крупнейшего поэта, одного из зачинателей казахской советской литературы. Личность эта цельная, неколебимая, одухотворенная, наделенная большим талантом, искренно верившая в идеалы социальной справедливости, показана Бекхожиным в поэме убедительно и, в общем, достаточно возвышенно, с максимальным чувственным оттенком, позволившим авторские тревогу и печаль постепенно трансформировать в жизнеутверждающую песню. Песню, полную неизбывной веры в бессмертие человека, посветившего себя делу освобождения народа от угнетения старой власти и предрассудков патриархального прошлого, тем не менее на деле крепко цеплявшегося за новую жизнь.

Рассказ о Сейфуллине передавал, конечно, мысли самого Бекхожина, представлявшего жизненный путь своего выдающегося соплеменника в несколько одностороннем ключе. И тут, по большому счету, ничего удивительного нет, так как Бекхожин жил и творил в отведенное ему судьбой время и являлся, соответственно, носителем тех мировоззренческих идей и установок, которые тогда главенствовали в общественном сознании. Поэтому, полагаю, поэму «Сказание о соколе», как и поэму «Степной комиссар», в которой повествуется о большевистском вожде Владимире Ленине и казахском степном комиссаре (прославившемся до революционных событий в качестве путешественника) Алиби Джангильдине, не стоит воспринимать в качестве каких-то пропагандистских приемов и клише, создававшихся поэтом на потребу дня. Нет, такой поверхностный и пристрастный подход следует считать в корне неверным. Да и бессмысленно в этой связи отрицать общеизвестные факты, напрямую связанные с этими именами, давно уже ставшими достоянием истории.

А вот порассуждать над художественным строем этих сочинений, доступных нам в русском переводе, было бы далеко не бесполезно. И прежде всего потому, что на первый план тогда неизбежно выдвигается вопрос о качестве самих поэтических переводов, осуществлявшихся русскими поэтами, естественно, по-разному, при определенных внешних обстоятельствах и под воздействием душевных настроений, как известно, отличающихся переменчивостью и непостоянством. А уж раз на то пошло, то весьма любопытными о поэме «Сказание о соколе» представляются мысли известного казахстанского критика и литературоведа Ильи Шухова, высказанные им на страницах журнала «Дружба народов» (1977, № 6): «...Переведенная Вл. Цыбиным, она, к сожалению, не производит целостного художественного впечатления. Хотя есть и тут удачные, отлично сложенные строфы, где найден "стиль, от-

вечающий теме” и где передано самоощущение бекхожинского лирического героя – человека неукротимой энергии и силы духа:

Мы растерялись – нам такое в диво.
Лишь старый бард запел неторопливо
Под старую, певучую домбру.
Взлетела песня,
Облаков касаясь.
Сидел Сакен, как сокол,
В такт качаясь,
Расправив крылья на большом ветру.

В любой поэме, как и в музыкальном сочинении, многое зависит от финала, от того, насколько верны, звучны последние аккорды. У переводчика «Сказания...» не хватило дыхания довести песню до конца на нужной ноте. Завершается русский перевод поэмы так:

...И мчит экспресс
Туда, где синь и рань,
Где пароходы,
Поезда
И стройки...

При всей патетичности этих строк в них утерян напор бекхожинского стиха. «Синь и рань» – совершенно не его стилистика. Экспресс Халижана Бекхожина идет тяжелей и мощней:

Экспресс, от стремительной скачки
не уставай,
Двигайся с ревом свободно,
Оставь позади всё старое, что мешало
нам, – что воет волком!
(Подстрочный перевод)

У Бекхожина рифмы точные, но отнюдь не «легкие», в русском же переводе появилась какая-то «воздушность», и рифмы у Вл. Цыбина как раз «легки» до шаблона: «слёзы – розы», «печаль – даль», «век – человек».

Критично к переводам бекхожинских сочинений поэтом Владимиром Цыбиным, слывшим в Советском Союзе не одно десятилетие одним из лучших переводчиков на русский язык поэзии народов СССР, относился и Павел Косенко, знавший и Бекхожина, и его творчество не понаслышке. Так, представляя на страницах журнала «Литературное обозрение» (1981, № 10) книгу Бекхожина «Избранное», изданную в 1980 году в авторитетнейшем московском издательстве «Художественная литература», он писал: «Из восьмидесяти одного стихотворения, вошедшего в “Избранное”, шестьдесят восемь дано в переводах В. Цыбина, из четырех поэм – две. Думаю, что это сделано напрасно. Х. Бекхожина переводили десятки хороших русских поэтов... В частности, над переводами Х. Бекхожина немало потрудились русские и русскоязычные поэты Казахстана, и трудно поверить, что среди их переводов не нашлось ни одного, достойного войти в эту книгу. Переводил ведь своего старшего друга и такой мастер, как Олжас Сулейменов».

Ты знай,
что этот путь не повторится
На перекрестьях века, потому
Для жизни
должен ты воспламениться!

Гражданский, интернационалистский пафос поэзии Бекхожина отчетливо выражен в стихах “Двадцать шесть” – о легендарных бакинских комиссарах (перевод М. Луконина), в “Элладе”, посвященной славному сыну греческого народа Яннису Рицосу (перевод В. Цыбина), в щемящем, полном горечи “Не плачь...” (Из прощального письма Патриса Лумумбы), переведенном О. Сулейменовым. Все эти стихи в русском варианте, бесспорно, хороши, именно как русские стихи. Но... в них всё-таки утеряно, упущено что-то бекхожинское. Видимо, всё-таки оттого, что над переводами трудились поэты, чей творческий почерк настолько своеобразен, индивидуален, что это не могло не отразиться в тексте. Так что неудивительно, что одна вещь звучит типично по-цыбински, другая в такой же мере – по-сулейменовски. Я понимаю, это идет от искренней увлеченности бекхожинскими строками, зажегшими в душе поэтов огонь неподдельного вдохновения. Но хочу в связи с этим вспомнить Расула Гамзатова. Русский читатель знает его поэзию в основном благодаря Я. Козловскому, Н. Гребневу и В. Солоухину. Мобилизуя при переводе глубоко самобытных произведений аварского поэта свои излюбленные художественные средства, они всегда руководствуются чувством соразмерности и сообразности и нигде не заслоняют от нас самого автора, не растворяют его в собственной поэтической индивидуальности».

По прошествии четырех десятилетий подобные критичные разборы могут восприниматься нами в наше время даже с некоторой произвольной иронией, сводимой к тому, что не стоит так уж категорично относиться к переводческой деятельности того же Владимира Цыбина, давно ушедшего из жизни и, как бы там ни было, немало сделавшего для представления творчества Бекхожина русскоязычным читателям всего необъятного Союза ССР, на просторах которого, что и говорить, национальным литературам тогда жилось явно не тесно... Но, справедливости ради, обращение к вышеупомянутым критикам для нас интересно и тем, что мы можем воочию представить себе тот высокий профессиональный спрос и взыскательное отношение, выдвигавшиеся и критиками, и читателями к художественным произведениям, их авторам, а также и всем тем, от кого зависел процесс донесения опубликованных произведений непосредственно до читателей.

Что же касается самих переводов поэзии Бекхожина на русский язык, их качества и полновесности в сравнении с казахскими оригинальными текстами, то вопрос этот остается открытым. Однако, по большому счету, по крайней мере на территории Российской Федерации, в ее провинциальных регионах, основная проблема в настоящее время представляется в другом. В том, что имя Халижана Бекхожина, даровитого поэта, драматурга, одного из признанных мастеров казахской советской поэзии, начавшего публиковаться в далеких тридцатых годах прошлого столетия и подготовившего к изданию десятки поэтических сборников, в том числе переведенных и на русский язык, народного писателя Казахстана, дважды награжденного орденом Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов и Отечественной войны второй степени, удостоенного Государственной премии Казахской ССР имени Абая, – практически незнакомо нашим современникам.

К тому же в библиотечных фондах трудно разыскать и его книги, изданные в свое время на русском языке, причем не такими уж и малыми тиражами. Увы, интерес к национальным советским литературам сейчас невелик и практически ничего существенного и никем не предпринимается для того, чтобы многие достойные авторы и созданные ими сочинения не исчезали безвозвратно, как выразилась знакомая мне библиотечная работница со стажем, “за полной ненадобностью”.

Но вернемся к прерванному разговору о творчестве Халижана Бекхожина и взглянем на его достаточно известную поэму «Мария, дочь Егора» (русский перевод поэта Николая Сидоренко), признававшуюся ранее критиками одной из самых значимых вершин творчества поэта. Посвященная Марии Егоровне Рекиной, известной среди казахов как Мариям Жагоркызы, заслуженному деятелю искусств Казахской ССР, автору и исполнительнице популярной в народе песни «Дударай», эта поэма рассказывает не только о любви Марии к казахскому джигиту Дуйсену. В ней живо передается также и дух той непростой, противоречивой, но и судьбоносной эпохи, которая породила любовь русской девушки Марии из Акмолинской губернии к казаку Дуйсену, а вместе с тем и тот печальный исход, ожидавший мужественного парня, гибнущего от предательской пули. И Мария, хорошо знавшая казахский язык и казахские песни, так как с детства жила с казахами рядом, сложит свою прекрасную песню, полюбившуюся в народе и зазвучавшую по всей бескрайней степи...

Пройдут годы, и простую сельскую труженицу Марию пригласят исполнить песню «Дударай» на концерте на сцене Казахского оперного театра имени Абая в Алма-Ате, а затем присвоят и почетное звание... Так рожденное в душе русской женщины искусство обретет у казахов свое народное признание. И это ли не красноречивый пример того, что народы не должны испытывать друг к другу какой-либо неприязни, а призваны жить на древней земле Казахстана вместе и сообща, в дружбе и согласии? Именно так, как и представлял себе Халижан Нургожаевич, убежденный интернационалист, беззаветно веривший в торжество дружбы народов, уважавший и любивший русский народ, великий русский язык, о чем, пожалуй, наиболее страстно высказался в замечательном стихотворении «Голос России», удачно переведенном на русский язык Ярославом Смеляковым.

Абай наш, мы трижды тебе благодарны
За то, что ты русское слово любил
И щедрой рукою, как свет лучезарный,
Поэзию Пушкина нам подарил.
Наш Пушкин! Еще в те далекие годы,
Когда нас в оковах держал произвол,
Ты с песней любви и стихами свободы
В казахскую степь словно к братьям пришел.
Народ мой тебя с восхищением слушал:
Ты мыслью казахскую мысль разбудил,
Ты русское сердце и русскую душу,
Как двери в свой дом, перед нами раскрыл.
Нет равного Пушкину в мире поэта
И песен, которые так бы цвели,
Как нету на свете прекраснее этой,
Родившей нам Пушкина, русской земли.

Творческое наследие Халижана Бекхожина удивительно и неповторимо, даже при том, что далеко не все его творения доступны русскоязычному читателю, а, следовательно, в полной мере представить им написанное за долгие годы писательского труда автору данных строк не представляется возможным. Но и всё то, с чем мне посчастливилось познакомиться, убедительно говорит о том, что поэта волновали серьезные проблемы современности и экскурсы в прошлое. Ему безмерно был дорог родной Казахстан, всегда даривший вдохновение. Он неизменно стремился распознать приметы времени и с их помощью ответить на сложные, философские вопросы земного бытия. Потому, наверное, в стихотворении «Возражение поэта», переведенном Михаилом Лукониным, поставив под сомнение научный тезис о происхождении человека от обезьяны, писал:

Мы все от нее?
Заблужденье!
Возьмите хотя бы меня.
Так вот оно, происхождение,
Оно – от воды, от огня.

Нет, люди от солнца, от света,
От мощи земной рождены.
Спросите любого поэта,
Поэты затем и нужны.

Быть может, подход мой и ложен,
Науку я не опроверг.
Но как ты прекрасен и сложен,
Как дорог ты мне, человек!

Да, Халижан Бекхожин любил свой многонациональный народ, любил братьев-казахов, взращенных в великой и суровой степи, любил и старался своими лиричными и гражданственными стихами достучаться до каждого незнакомого ему человека... Достучаться и быть им услышанным!.. Что еще более важное на земле может заинтересовать настоящего поэта, верившего в высокое предназначение поэтического искусства? Поэта, жившего и творившего с народом одной большой и неразрывной жизнью...

